

«АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ПУШКИН»

Отакулова Кумуш Зафаровна

*учительница по русскому языку «Ромитанской
Профессиональной школы №1»*

Аннотация: *Это произведение положило начало русскому историческому роману.*

На страницах этой книги вы встретите светлую и искреннюю любовь, верность и то, какую большую роль у героев занимает честь и достоинство человека.

Известный русский бунт в несколько ином ракурсе - на фоне истории любви...

Ключевые слова: *роман, рукопись, Пугачев, образ, буран, судьба.*

Пушкин называл «романом» некое историческое действие, развитое на судьбах отдельных людей. К написанию романа «Капитанская дочка» он шел много лет. Еще где-то в середине двадцатых он задумывался над тем, как написать роман, и даже одному из приятелей предсказывал, что заткнет за пояс самого Вальтер Скотта.

Но, тем не менее, это откладывалось с года на год, и к написанию того произведения, которое потом получит название «Капитанской дочки» Пушкин приступил в 1832 году. Так что работа эта шла параллельно с «Историей Петра» с «Историей Пугачева» и с другими произведениями.

Первая редакция «Капитанской дочки» была завершена летом 36-го года. И, завершив свою рукопись, Пушкин сразу стал ее переделывать. Почему? Для того, чтобы это понять, может быть, стоило бы начать с начала – с эпиграфа. Эпиграф к «Капитанской дочке» всем известен: «Береги честь смолоду». Это, так сказать, основной смысл, главное соображение, которое содержится в этом романе.

Известно и другое – что, собственно, сама пословица, русская, она содержится в собрании русских пословиц библиотеки Пушкина, известна всем, но, как всегда, дело обстоит не так просто. Оказывается, Пушкин мог знать эту пословицу как латинскую. Вот, все знают онегинские строки: «В те дни, когда в садах Лицея // Я безмятежно расцветал, Читал охотно Апулея, // А Цицерона не читал...» Апулей – римский писатель II века нашей эры. Известно его произведение «Золотой осел», но кроме того, он еще написал нечто под названием «Апология» – речь в защиту самого себя от обвинений в магии. В этом произведении он приводит эту пословицу примерно в такой редакции: «Честь – это как платье: чем больше оно ношено, тем меньше о нем заботишься.»^[1] И потому честь надо беречь смолоду. Кстати сказать, в 1835 году на русском языке вышла эта «Апология», и Пушкин мог ее вспомнить или прочесть заново в работе над «Капитанской дочкой».

Но так или иначе роман был посвящен самым острым, самым главным проблемам нравственности той эпохи, да и не только той. Нравственный потенциал «Капитанской дочки» дошел до наших дней и даже углубился, стал понят гораздо тоньше и лучше. Важно только понять, что вместе с латинской пословицей в «Капитанскую дочку» входит то, что Достоевский у Пушкина называл «всемирной отзывчивостью». То есть речь идет о том, что вещь написана в русле далеко не только русской культуры, но и культуры мировой.

Путь автора к роману

Путь автора к роману начинается очень рано. Оказывается, в романе многое основано на собственном опыте автора, личном опыте. Вот, например, имя Гринев он находит в 1830 году в вестнике о холере в Москве. Было такое периодическое издание, которое он читал еще в Болдино с тревогой за близких – как им там в холерном городе. Так вот Петр Гринев перечислен как один из жертвователей денег в помощь пострадавшим. То есть какие-то положительные ассоциации с этим именем у него начинаются очень рано.

Или другой пример. При выезде из Болдино Пушкин был остановлен холерными карантинами. И, описывая это задержание, эту вынужденную остановку, он рисует ситуацию, которую мы находим в пропущенной главе «Капитанской дочки», о которой еще пойдет речь, когда главный герой Петруша приезжает в родную деревню. Его также не пускают пугачевские заставы, как не пускали в холерных карантинах самого Пушкина. То есть личный опыт все время присутствует в тексте романа.

То же самое происходит и с героями. Вот, например, когда Петруша Гринев приезжает в Белогорскую крепость, он встречается там с офицером, сосланным туда же, Швабриным. И вот любопытно заметить, что портрет этого самого Швабрина: человек невысокого роста, несколько смуглый, некрасивый, – полностью совпадает с описанием самого Пушкина мемуаристами, очень многими. Почему вдруг Пушкин придал свой облик главному отрицательному герою?

Вероятно, здесь был момент как бы расставания с молодостью, с грешными поползновениями молодого Пушкина. И, видимо, это такой «козел отпущения», то есть он вкладывает свои грехи в биографию и характер героя и, тем самым, расстаётся с буйным началом своей жизни.

Так или иначе, это роман из русской жизни. И жизненный опыт Пушкина все время предъясняется. Ну например, батюшкой, настоятелем церкви в Белогорской крепости является отец Герасим. А, собственно, почему так назван этот человек? Потому, что это память Пушкина о его лицейском учителе – Герасиме Петровиче Павском, который учил его закону Божьему и наставлял в нравственной жизни. Потом он будет упомянут в пушкинском дневнике как один из самых умных и добрых наших священников. То есть мы видим, как

жизненный опыт самого Пушкина находит отражение на страницах «Капитанской дочки».

Личный опыт Пушкина выходит на поверхность в самых неожиданных местах. Вот мы хорошо помним, как Маша, приехав в Петербург, не доезжает, собственно, до столицы, а останавливается в Царском Селе, в Софии, и живет там в домике смотрителя почтовой станции. И именно оттуда она выходит утром в парк, встречается с Екатериной... Но ведь все это исторически невозможно, потому что почтовая станция в Софии, под Царским Селом, была создана на много лет позже, чем возможная встреча Екатерины II с Машей. Пушкин описывает лицейское Царское Село, Царское Село XIX века. Вот там София, и вот там все это и происходит, что исторически совершенно невозможно. Но когда Пушкину нужно выразить характер через исторические обстоятельства, он довольно легко их искажает.

С этим же эпизодом связан и другой эпизод. Почему Маша встречается с Екатериной? Была ли эта встреча случайна? Ведь накануне хозяйка квартиры, где остановилась Маша, водит ее по Царскому Селу, показывает достопримечательности, рассказывает о распорядке дня государыни, которая в таком-то часу встает, пьет кофий, в таком-то часу прогуливается по парку, в таком-то часу обедает и так далее. Внимательный читатель должен был бы понять, что Маша пошла в парк не просто так прогуливаться ранним утром. Прогулка вредна для здоровья молодой девушки, говорит ей старуха. Она идет встречаться с государыней и прекрасно знает с кем она встретилась. Они обе делают вид, что встречается безвестная провинциалка с неизвестной придворной дамой. На самом деле, и та и другая понимают что происходит. Ну, Екатерина-то понимает потому, что Маша рассказывает сама: кто она и что она. Но Маша-то знает с кем она беседует. И, таким образом, ее дерзость повышается в значении. Она противоречит не вообще какой-то даме, а самой государыне.

«Капитанская дочка», быть может, не только великое начало русской литературы, русской прозы, но и вещь, которая пережила эпохи. Вот, например, Твардовский – первый поэт других времен, другой эпохи, говорил, что, может быть, ничего выше в русской литературе, чем «Капитанская дочка» нет и не было, что здесь – исток всей той словесности, которой славно наше отечество.

Одним из подступов к «Капитанской дочке», быть может, является набросок Пушкинского плана, известный как «Сын казненного стрельца». Это тоже некий прообраз будущего романа, к сожалению, не написанного. Действие там происходит во времена Петра Великого. И вот что любопытно. Носителем основного нравственного смысла этой вещи является не дочь казненного капитана, а дочь казненного стрельца – казненного Петром. То есть основной признак одного из главных героев соблюдается еще в этом наброске. Но там запутанная история родственных отношений, подмена одного человека другим. Реконструкция этого романа возможна, но для нас-то главное то, что основные,

так сказать, духовные мотивы вещи, которую мы знаем по «Капитанской дочке», там уже были заявлены.

Анахронизмы усадебного быта

Напомним: «Капитанская дочка» начинается в дворянской усадьбе рождением героя и кончается в другой помещичьей усадьбе несколько десятилетий спустя. Здесь живут теперь ближайшие потомки отца и сына Гриневых.

Кое-что в романе объясняется тем, что он помещен в пушкинском журнале «Современник». Журнал предназначался для неслужилых вотчинных дворян и их семейств. И, казалось бы, усадебный быт не будет выступать на поверхность в этом журнале, который дает читателям какую-то мировую перспективу жизни. Там будут и заграничные публикации, и какие-то научные статьи. И вдруг «Капитанская дочка»! Читатель очень хорошо знаком с усадебным бытом, и потому вроде как зачем?

А между тем оказывается, что усадебный быт очень глубоко и верно отражен именно в «Капитанской дочке». Это усадьба предпушкинской поры и в каком-то смысле есть образ земного рая. В этом земном раю протекает счастливое детство героя. Он играет с дворовыми детишками, ездит с отцом на охоту. Там не пьют, не проводят ночи за картами, играют только в орехи. Это вот тот рай, который остается в сознании у героя на всю жизнь, тот рай, который он хочет воспроизвести потом, становясь сам вольным неслужилым помещиком.

Т.е. помещик здесь выступает не как барин, а скорее как глава старой крестьянской общины, для которого крепостные мужики и бабы – та же самая семья, о которой он должен заботиться, и в этом смысл его жизни, его существования. Это мир, где получение и отправление письма – событие. Это мир, где хронология отсчитывается не от общего календаря, а от местных происшествий, например «тот самый год, когда окривела тетушка Настасья Герасимовна». Это узкий, замечательно красивый мир. Время и пространство барского дома цикличны, замкнуты, тут все предсказуемо, если бы не последующие острые повороты романной фабулы. Правда, внимательный читатель соображает, что в описании дворянской усадьбы Гриневых Пушкин использует свой личный опыт, которые не всегда применим и корректен в екатерининское время. Очень многие детали скорее выдают в Гриневе Пушкина, т.е. человека все-таки другой исторической эпохи.

Особенно это видно при появлении в гриневской усадьбе француза месье Бопре, которому, в общем, в 60-е годы XVIII века еще не место в глухой провинциальной приволжской усадьбе Симбирской губернии. Т.е. теоретически это мыслимо, но наплыв гувернеров-французов будет позже, когда произойдет Великая французская революция, когда будет разгромлен Наполеон и масса несчастных французов пойдет в Россию за куском хлеба, за тем, чтобы просто

прожить. Это тот Бопре, которого знает Пушкин, но которого, конечно, не знал Гринев.

Здесь разница эпох очень хорошо видна. Это в грибоедовско-пушкинские времена был наплыв этих так называемых учителей «числом поболее, ценою подешевле». И еще такие детали очень часто встречаются в «Капитанской дочке». Например, Гринев знает очень много такого, чего его реальный ровесник из провинциальной усадьбы знать не мог, включая французский язык, подробности русской истории, который еще не известны до выхода основного труда Карамзина. Это все – личный опыт Пушкина в усадебной жизни, которым Петруша Гринев еще не располагает.

Конфликт правосудия и милосердия

Но вернемся к вопросу: отчего вдруг Пушкин стал переделывать свой роман, только что поставив последнюю точку, только что завершив его. Видимо, потому, что его не удовлетворил тот нравственный потенциал, который оказался там заложенным. Ведь, в конце концов, потенциал «Капитанской дочки» можно рассказать как противостояние двух основных начал – правосудия и милосердия. Вот, носителем идеи правосудия, законности, государственной необходимости выступает старик Гринев. Для него понятие о государственной необходимости, о дворянской чести – смысл жизни. И когда он убеждается в том, что его сын Петруша изменил присяге, стал на сторону Пугачева, он не предпринимает никаких шагов для того, чтобы его спасти. Потому что понимает правильность того наказания, которое следует.

По-видимому, в первом варианте дело обстояло совсем не так. Ведь Петруша, сын старика, на глазах отца воевал с пугачевцами – стрелял в них. Ну, известный эпизод выхода из амбара. И, таким образом, старик убеждался, что никакой присяге он не изменял. И, следовательно, его нужно спасать. Следовательно, он оклеветан. И, быть может, в первом варианте он и был главным героем, спасающим своего сына. И, видимо, эта ситуация не устроила Пушкина. Потому что носителями милосердия у него, как всегда, стали женщины. Невеста героя Маша и Екатерина II. Вот кто были носители милосердия. А заодно на первый план вышла Маша Миронова – прямое продолжение онегинской Татьяны, носитель не правосудия, не государственных правил, а именно милосердия, человеколюбия. Вот это-то и заставило, наверное, Пушкина сразу начать роман переделывать.

Ему было понятно, что в условиях государственно-правовых отношений ни сюжет, ни даже фабула романа устоять не могут. В пропущенной главе, не вошедшей в основной текст романа и оставшейся от первого варианта, мы находим чрезвычайно интересную разницу между первым и вторым и вариантом, между первой и второй редакциями.

Например, старик Гринев отпускает Машу в Петербург вовсе не потому, что надеется будто она будет хлопотать за жениха. Он вынул его из своего сердца.

Его нету. Он просто ее отпускает с напутствием: «Дай тебе Бог жениха хорошего, а не клейменого преступника.» И отпускает вместе с ней почему-то Савельича. Вот этот уход Савельича из усадьбы, этот подарок старика Гринева Маше – он дарит своего стремянного крепостного бывшей невесте бывшего сына – совершенно меняет ситуацию. Оказывается, что Маша в заговоре с матерью Петруши, с женой старика, они-то обе знают, что она едет просить за жениха, а он не знает. Он остается в своей непримиримости к сыну, в своем удалении от растленного екатерининского двора, который он не считает нравственной инстанцией. То есть это персонаж, который был главным героем в первой редакции. А ведь не это главное в «Капитанской дочке». И поэтому две редакции говорят о двух ступенях сознания Пушкина. Он шел к совершенно другой прозе, к прозе, где главными действующими лицами были «герои сердца». Это его термин, это строка из его стихотворения «Герой», написанная еще в 20-е годы. И вот то обстоятельство, что люди чрезвычайно авторитарные и государственные, такие, как Екатерина II или мужицкий царь Пугачев, проявляют именно героизм сердца, милосердие, вот это-то и становится основой. Вот здесь, может быть, мы где-то находим черты Пушкина, каким бы он был в 40-е, 50-е годы, если бы дожил до этого времени. Тут виден краешек совсем другого Пушкина, противостоящего государственности во многих ее проявлениях. То есть он не перестает быть лирическим поэтом, и тут надо с этим считаться..

Вторая особенность «Капитанской дочки» знакома нам по «Евгению Онегину». Носителем авторского взгляда на жизнь, на обстоятельства является женщина. В первом случае Татьяна, во втором случае Маша, Мария Ивановна. И именно она в конце романа перестает быть игрушкой обстоятельств. Она сама начинает бороться за свое счастье и за счастье своего суженного. Вплоть даже до того, что она отвергает приговор Екатерины II, которая говорит: «Нет, государыня не может простить Гринева, потому что он изменник.» «Нет», – отвечает Маша и, таким образом, поступает с такой силой самостоятельности, которая не только в XVIII веке, но даже и гораздо позже – в татьянинские, в онегинские времена не была характерна для русских женщин. Она настаивает на своем против царской воли. Что, в общем-то, тоже выражает некое понимание Пушкиным роли советника при государе, которую он себе придумал и которая не сбылась. Даже независимо от того, о чем идет речь, это продолжение карамзинской идеи советника царю – «царю наперсник, а не раб». Вот что выдает Маша.

При том, что сам Пушкин понимает, что здесь не историческая правда, здесь чистый вымысел. И, параллельно с «Капитанской дочкой», он пишет статью о Радищеве, где приводит важнейшее соображение о XVIII веке. Судьба Радищева, пишет он, это есть признак того «какие суровые люди окружали еще престол Екатерины»[2]. Ничего, кроме государственных понятий, они не несли с собой.

И вот Маша, которая опережает не только свой век, но и будущий век, становится пушкинским идеалом, становится как бы прообразом тех героев и героинь, которые, быть может, населяли бы пушкинскую поэзию и прозу – в 40-е, а дал бы Бог, и в 50-е годы.

Облачко, буран и вызов судьбы

Описание бурана во второй главе «Капитанской дочки» хрестоматийно, в школе надо было заучивать этот эпизод наизусть, настолько он хрестоматиен и очень известен. Ямщик, везущий Гринева по степи, говорит: «Барин, не прикажешь ли воротиться?» Нам уже приходилось заметить, что облачко на горизонте предвещает буран, но далеко не только буран. В русле библейской традиции облачко, падшее на землю, имеет совсем другой смысл – смысл знака, которым Бог одаряет избранный народ, давая ему понять, куда идти.

Это очень стойкая традиция в русской литературе. Например, та же Ахматова говорила о том, что «Онегин есть воздушная громада», и это тоже восходит к этому библейскому образу облака, указующего путь.

В «Капитанской дочке» облачко на горизонте – это как бы вызов судьбы. Вот есть Савельич, который говорит: «Барин, давай вернемся, напьемся чаю, ляжет спать да переждем буран». А с другой стороны Гринев, который говорит: «Я ничего страшного не вижу, поехали!» И они попадают в этот страшный буран, в котором едва ли не гибнут.

И символический смысл этого бурана, поворачивающего все действие, очевиден. Ну, допустим, они бы воротились. Что было бы тогда? Тогда Гринев не познакомился бы с Пугачевым и нормально был бы казнен после взятия Белогорской крепости. Вот первое, что делает буран. Знакомство с Пугачевым, уход от казни – это опять-таки вызов судьбы, которая награждает человека, пошедшего навстречу опасности. В этом очень много Пушкина. Через все его творчество проходит вот эта идея вызова судьбы, но это отдельная большая тема, которой здесь можно только немного коснуться. И вот облачко предопределяет все, что будет потом: любовь, несчастная любовь, взятие крепости, казнь, дальнейшие трудности и ужасы биографии героя – это все начинается облачком.

Мотив вызова судьбы слышен и дальше – в поединке со Швабриным, в поведении перед казнью, которая, к счастью, не состоялась, в благородном молчании в Следственной комиссии, где он не называет имя возлюбленной... Это все определяется как отклик на вызов судьбы. То же самое происходит и с Машей, невестой, которая избегает смертельной опасности, но готова жертвовать своей жизнью за жениха, за его родителей в развязке романа.

Библейское облачко ведет к тому, что в итоге зло побеждено, отступает, и торжествует добро. И, собственно говоря, традиционно это добро венчает повествование. Однако ж людское счастье, по Пушкину, все равно остается в

пределах всеобщего изгнания земного, и тут уж отдельные судьбы отчетливо начинают граничить с судьбой народа, с его историей.

«В ранге исторической повести»

В конце повести Пушкин вкладывает в уста своего героя афоризм, относящийся, пожалуй, ко всей отечественной жизни, что называется, от Гостомысла до наших с вами дней. «Не приведи бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный». Эта максима, пожалуй, окончательно утверждает роман Пушкина в ранге исторической повести. Исторической не в смысле материала, а в смысле идеи истории, и особенно русской истории, в своем первоизданном и весьма типичном виде.

Историческое на страницах «Капитанской дочки» звучит, я бы сказал, в полный голос. Особенно это хорошо слышно там, где автор вольно или невольно отступает от реальной, так сказать, документированной истории. Например, в одном из вариантов повести Пугачев совершенно анекдотически предлагает Гриневу служить в его войске, а за это обязуется наградить его титулом князя Потемкина.

Понятно, юмор состоит в том, что Пугачев не понимает разницы между родовым титулом и государственной должностью. Пушкин отказывается от этого варианта, видимо, потому, что кто-то ему указывает на историческую ошибку: к моменту казни Пугачева Екатерина, пожалуй, даже не знает о существовании Потемкина, это две разные эпохи – эпоха восстания и эпоха потемкинского фаворитизма. Поэтому он отказывается.

Но в принципе Пушкин все равно прав, потому что в обоих государствах, и екатерининском, и пугачевском, равным образом процветает фаворитизм, который особенно очевиден в петровской и послепетровской России. Пушкин, может быть, исторически не прав, но он совершенно прав в русле философии истории. Логика истории торжествует над хронологией, и это ничуть не умаляет достоинств художественного текста.

То же самое относится и к подробностям биографии Петра Гринева. Петруша в беседе с самозванцем, с Пугачевым, обнаруживает знание подробностей падения Лжедмитрия I в начале XVII столетия, т.е. подробности Смутного времени. Вообще ловить поэта на фактических неточностях – занятие, как правило, бессмысленное. Оно обычно свидетельствует о нашем непонимании художественной литературы или, уже сказать, непонимании образной ткани.

Иногда приходится слышать, что по «Капитанской дочке» можно изучать историю России. Ну, можно, конечно, но только надо понимать характер особенностей этого изучения. Надо отдавать себе отчет в том, что роман рисует эту историю в целом, в высокохудожественном отношении. Автор часто пренебрегает достоверностью детали во имя достоверности художественного целого. Поэтому по «Капитанской дочке» можно изучать всю русскую историю в

целом, но как раз не историю пугачевского бунта, потому что здесь автор пренебрегает исторической правдой эпизода во имя исторической правды целого, всей русской истории, взятой как великое многовековое единство.

Именно на страницах романа, как и в сценах «Бориса Годунова», кстати, Пушкин нередко отказывается от фактов в пользу обобщенной исторической правды всего прошлого в целом. Думает, с этой поправкой и надо принимать художественную ткань «Капитанской дочки» как сочинение великого историка.

Ни в «Капитанской дочке», ни в других своих произведениях Пушкин не создал целостной истории России. Да, собственно, он, вероятно, к этому и не стремился. Но его великая одаренность в области истории не вызывает никаких сомнений. Пушкинская мысль высвечивает такие темные уголки истории, которые, пожа луй, недоступны профессионалу-историку, ограниченному известными фактами. И поэтому наши лучшие, основные историки всегда признавали за Пушкиным эту способность, которой, может быть, в полной мере сами и не обладали. Это понимали такие ученые, как Сергей Михайлович Соловьев, Василий Иосифович Ключевский, Сергей Федорович Платонов и многие-многие другие.

Некий итог их соображениям подвел их коллега, Евгений Викторович Тарле, наш знаменитый академик. Он говаривал своим ученикам, что выстрел Дантеса лишил Россию не только гениального писателя, им Пушкин уже успел стать при жизни, но и величайшего историка, лишь едва почувствовавшего вкус науки.

ЛИТЕРАТУРА:

Белькинд В.С. Время и пространство а романе А.С. Пушкина «Капитанская дочка». // Пушкинский сборник. Л., 1977.

Долинин А.А. Ещё раз о хронологии «Капитанской дочки». // Пушкин и другие. Сборник статей к 60-летию профессора С.А Фомичева. Новгород, 1997.

Долинин А.А. Вальтер – скоттовский историзм и «Капитанская дочка». // Пушкин и Англия. Цикл статей. М., 2007.

Заславский О.Б. Проблема милости в «Капитанской дочке». // «Русская литература», 1995, № 4.

Карпов А.А. Сюжет о благородном льве в «Капитанской дочке» // «Русская литература», 2016, № 3.

<https://magisteria.ru>

Курс: "Пушкин: однажды и всегда"

Лекция: "Исторический роман «Капитанская дочка»"